

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 10.09.2024

Потенциал конститутивной криминологии в изучении служб пробации

Н. П. Щукина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nina_shukina@mail.ru

Аннотация: В статье актуализируется потенциал конститутивной криминологии в исследовательском и практическом контекстах, в свете постмодернистской криминологии. В отечественной науке конститутивная криминология остается пока «дамой под вуалью». Автор счел возможным при раскрытии темы, заявленной в названии статьи, сфокусировать внимание на особенностях данного сравнительно нового направления современной криминологии, постепенно двигаясь к определению возможностей применения конститутивной криминологии в исследованиях и организации практик служб пробации. Обращение к потенциалу конститутивной криминологии в изучении служб пробации означает возможность сделать голоса осужденных и бывших осужденных слышимыми в их взаимодействии со службами пробации. Высказывается предположение о том, что использование потенциала конститутивной криминологии в изучении и деятельности служб пробации будет способствовать гуманизации уголовной политики, как, впрочем, и диалогу сторонников и противников конститутивной криминологии. Постановка вопросов о роли деконструкции, реконструкции текстов служб пробации и создании на этой основе замещающего дискурса (неофициальной истории) в отношении ресоциализации осужденных и бывших осужденных актуализирует тему междисциплинарности в криминологии в целом, ее связи с такими дисциплинами, как социология и лингвистика.

Ключевые слова: конститутивная криминология; дискурс; замещающий дискурс; голоса осужденных и бывших осужденных; ресоциализация осужденных; пробация; службы пробации; доверие к службам пробации; криминология новостного производства; публичные криминологи.

Цитирование. Щукина Н. П. Потенциал конститутивной криминологии в изучении служб пробации // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Щукина Н. П., 2024

Нина Петровна Щукина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.05.2024
Revised: 17.06.2024
Accepted: 10.09.2024

Potential of constitutive criminology in the study of probation services

N. P. Shchukina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nina_shukina@mail.ru

Abstract: The article actualizes the potential of constitutive criminology in research and practical contexts. In domestic science, constitutive criminology remains so far a “lady under the veil”. In this regard, the author considered it possible, when disclosing the topic stated in the title of the article, to focus on the features of this relatively new direction of modern criminology, gradually moving towards determining the possibilities of applying constitutive criminology in research and organizing the practices of probation services. Addressing the potential of constitutive criminology when examining probation services means making the voices of convicts and ex-convicts audible in their interactions with probation services. It is suggested that the use of the potential of constitutive criminology in the study and activities of probation services will contribute to the humanization of criminal policy, as, indeed, to dialogue among supporters and opponents of constitutive criminology. Raising questions about the role of deconstruction, reconstruction of the texts of probation services and the creation on this basis of a substitute discourse for the resocialization of convicts and former convicts actualizes the topic of interdisciplinarity in criminology as a whole, its connection with such disciplines as sociology and linguistics.

Key words: constitutive criminology; discourse; substitute discourse; voices of convicts and ex-convicts; probation services; probation service clients, trust in probation services; news production criminology; public criminologists.

Citation. Shchukina N. P. *Potentsial konstitutivnoi kriminologii v izuchenii sluzhb probatsii* [Potential of constitutive criminology in the study of probation services]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Shchukina N. P., 2024

Nina P. Shchukina – Doctor of Sociology, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Становление и развитие служб пробации – одна из ключевых криминологических проблем в контексте низкого уровня ресоциализации осужденных и бывших осужденных, а также высокого уровня рецидивной преступности. С актуальностью данной темы связан выход в свет целого ряда работ, написанных как отечественными, так и зарубежными учеными [1–5]. Обобщение опыта работы служб пробации в странах, где за плечами таких организаций порой вековая история, свидетельствует, что такие службы – «дорогое удовольствие» [6]. Частичная приватизация этих организаций, разнообразие программ повышения квалификации специалистов, в них работающих, целый ряд других мер не повышают результативность их деятельности, включая вопросы ожидаемого снижения рецидивной преступности, текучести кадров, удовлетворенности как получателей услуг, так и их поставщиков взаимодействием друг с другом.

В российском контексте актуальность темы, заявленной в названии данной статьи, связана со становлением служб пробации, инструментом которых, согласно Федеральному закону от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в РФ», становятся *индивидуальные программы* ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. В числе базовых принципов пробации – учет *индивидуальных* особенностей, обстоятельств и потребностей, *гуманизм, приоритет прав и законных интересов* человека и гражданина [7], что актуализирует тему учета голосов осужденных и бывших осужденных – клиентов служб пробации.

Памятуя о том, что в традиционных криминологических исследованиях голоса осужденных и бывших осужденных остаются фактически не слышимыми, мы можем посмотреть на эту проблему с позиции постмодернистской криминологии. Заметим, что последняя в российской криминологии получает явно негативную или противоположную ей оценки. Так, в одной из работ читаем о «деструктивности» постмодернизма, его невозможности стать методологическим основанием криминологии; об «иррациональности, циничности, поверхностности» постмодернистской методологии [8, с. 64], в другой – о «тупике неокриминологии» с акцентом на оценке преступности как патологичной, разрушающей основы общества и т. п. [9]. Кстати сказать, Э. Дюркгейм в «Методологии» (1895) предупреждал криминологов не спешить с оценкой преступности как носящей патологический характер, обращая внимание на нормальность данного феномена и наличие у него ряда позитивных функций [10, с. 407, 463].

Наряду с негативными даются и позитивные оценки постмодернистской криминологии как *прогрессивной* научной дисциплины [11; 12]. Заметим, что общим для этих полярных точек зрения касательно постмодернистской криминологии является, на наш взгляд, по сути, абстрагирование от того, что «*существует много постмодернизмов*» [13], есть не только «*скептическая*», «*нигилистическая*» [14, р. 223], но и «*утвердительная*» постмодернистская криминология (*affirmative postmodern criminology*) [15, р. 156–164]. Если скептический постмодернизм предлагает пессимистическую, негативную оценку постмодернистской эпохи, ее неопределенности и общественного хаоса, невозможности истины, то утвердительные постмодернисты проявляют большой оптимизм, выходя за рамки нигилизма, субъективизма и пораженчества, присущих скептическому постмодернизму; они ищут философскую и интеллектуальную практику, которая была бы недогматична, экспериментальна. Их критика модернизма неабсурдна [16, р. 117–118; 17]. Конститутивные криминологи демонстрируют, как люди могут создавать новые социальные самости и социальные миры [18]. Они стремятся к всестороннему анализу изучаемых феноменов, отказываясь от одномерного прочтения преступности и ее контроля, направляя свои усилия к объединению различных теорий, заимствованных из разных научных дисциплин. Наряду с этим конститутивная криминология – это «*гуманистический подход*» к изучению проблемного поля данной науки [19, р. 496]. Конститутивная криминология является «единственной» хорошо разработанной попыткой переосмыслить центральные вопросы и темы криминологии с точки зрения постмодернизма [20].

В силу сказанного выше касательно конститутивной криминологии и ее места в криминологии постмодернистской есть резон сфокусировать далее внимание именно на потенциале данного направления в современной криминологии. Что же предлагает конститутивная криминология, что может она сказать относительно вопросов становления служб пробации, их политики и методов практики и каковы ее научные основания? Разумеется, в рамках статьи не ставится цель дать полное и окончательное описание конститутивной криминологии при ответе на поставленные вопросы. Наша цель более прозаическая – сфокусировать внимание в данном сравнительно новом направлении криминологии лишь на тех моментах, которые способствовали бы выявлению, актуализации и использованию дополнительных ресурсов как исследователями, так службами пробации в направ-

лении повышения результативности деятельности этих служб. Иными словами, цель данной статьи – в проблематизации потенциала конститутивной криминологии в изучении и организации практик служб пробации.

Подчеркнем, что основатели конститутивной криминологии – С. Генри и Д. Милованович – выступают за «интегративное понимание криминологии», подтвердив строгие дисциплинарные границы науки [21, р. XXXV]. С одной стороны, они опираются на ряд критических социальных теорий, включая символический интеракционизм, социальный конструктивизм, феноменологию, этнометодологию. Генри и Милованович утверждают, что выводят свою теорию из многочисленных источников, в частности, из концепции критического сознания П. Фрейре они заимствуют критику *банковской концепции знания*, согласно которой педагог не наполняет умы, например, крестьян материалами из банка своих знаний, а обсуждает идеи крестьян на взаимной основе и помогает им сформулировать свои потребности и требования [22]. Наряду с этим конститутивные криминологи заимствуют понятие *гиперреальности* у Бодрийяра, прибегают к *семиотике* Соссюра и Лакана, *теории структуризации* Гидденса, *«перевороту иерархий»* у Деррида, с некоторыми вариациями опираются на *теорию сложности* и даже *диалектический материализм* Маркса [20]. Кстати сказать, при разработке конститутивной криминологии ученые использовали и работы М. Бахтина [15, р. 309]. Тем не менее главные столпы, на которых базируется конститутивная криминология, это «особая интерпретация Ж. Лакана, сопоставленная с теорией хаоса» [20]. По сути, у Лакана конституционные криминологи заимствуют «интерпретацию клинического психоанализа» (работы с дискурсами)¹, с фокусом внимания на дискурсах *аналитика*, и, перефразируя Лакана, скажем так: *заклученного или бывшего заклученного* [16, р. 117–118]. Каждый субъект, по Лакану, в случае конститутивной криминологии – осужденный или бывший осужденный, обладает уникальными, постоянно изменяющимися чертами; у него особая судьба, определяемая специфичными, присущими только ему «данностями». При этом лучшее определение субъекта – «тот, кто страдает»²[23]. Согласно конститутивной криминологии, люди, подвергающиеся (или подвергавшиеся) наказанию со стороны системы уголовного права, скорее всего, страдают от него и его последствий. Им была бы полезна помощь в формулировании их социально приемлемых потребностей и желаний. При этом, разумеется, нельзя забывать, что далеко не все законные стремления этих лиц могут быть удовлетворены имеющимися ресурсами [24]. Вместе с тем эти люди являются активными, со-

противляющимися субъектами, обладающими немалыми ресурсами для идеологического и психоаналитического сопротивления. Иными словами, они способны отвергать или деформировать социальные директивы, используя язык своим особым способом. В этой связи работа аналитика должна состоять в том, чтобы внимательно прислушаться к этому особому языку, оборотам речи, к тому, как эта речь, создавая системы желаний и идентификаций, движет субъектами.

Из теории хаоса³ конститутивные криминологи заимствуют понятие неразрешимости и неопределенности (1), идею о том, что один человек может иметь существенное значение (2), и анализ условий, далеких от равновесия (3) [20]. В соответствии с положениями, заимствованными в теории хаоса, конститутивные криминологи постулируют, что нужно быть готовым к «вещам» неожиданным, удивительным, противоречивым и внезапным уже в силу того, что существует очень много начальных переменных, таких, например, как пол, возраст, образование, место жительства и т. п., и мы просто не можем знать, какой результат ожидать от такого большого их набора [16, р. 117–118]. Что касается идеи о том, что один человек может иметь значение, то она неоднократно встречается в конститутивной криминологии, в таких примерах, как подписание петиции, голосование, или выступление, которые могут в долгосрочной перспективе иметь серьезные последствия [25]. Иными словами, крошечные или небольшие возмущения системы иногда могут приводить к серьезным изменениям во всей системе.

Ключевые составляющие конститутивной криминологии, согласно Генри и Миловановичу, следующие: преступность – дискурсивное совместное производство; акцент на изучении отношений, производящих преступность, на способах такого совместного производства в целях уменьшения вреда, причиняемого этим производством; недопустимость идеи отделения преступности от социальных процессов [26, р. 437], от структурных и культурных контекстов, в которых они производятся [27]. Остановимся на этих составляющих. Милованович и Генри призывают к отказу *«от бесполезного поиска причин преступности»*, ибо такой поиск, по сути, поддерживает преступность как отдельную реальность; акцент предлагается сделать на изучении *«конституирования преступности»* как части общества, способов такого конституирования, используемых человеческими агентами [22, р. 307]. Подчеркивается, что конституирование преступности зависит от контекста, от динамики власти и СМИ. Преступность

¹ Ж. Лакан определяется как одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа, в фокусе внимания конститутивных криминологов – его понимание психоанализа как процесса, в котором взаимодействуют ряд дискурсов.

² Такая трактовка заимствуется у Ж. Лакана, и она не случайна в контексте его психоаналитической практики.

³ Теория хаоса все чаще становится ключевым элементом в постмодернистском анализе. Среди ее основателей – И. Пригожин, А. Пуанкаре, М. Фейгенбаум. Данная теория уже нашла применение в таких дисциплинах, как психоанализ, литература, право, социология. См.: Milovanovic D. *Dueling Paradigms Modernist v. Postmodernist Thought // Postmodern Criminology*. 1st edition. 1997. URL: [\(DuelingParadigms:Modernistv.PostmodernistThought-CriticalCriminology\(critcrim.org\)\)](http://DuelingParadigms:Modernistv.PostmodernistThought-CriticalCriminology(critcrim.org)) (дата обращения: 01.06.2024).

переопределяется авторами конститутивной криминологии как «способность отказывать другим в их способности иметь значение», и в соответствии с этим определением рассматривается вопрос о сокращении преступности [26, р. 439]. Преступление также рассматривается как дискурсивная конструкция. Ученые призывают к необходимости прекращения «вкладываться» в миф о человеческих агентах как индивидуумах со свободным выбором, управляемых утилитарным расчетом или биологически и психологически запрограммированных. Вместо изучения факторов, способствующих преступности, конститутивные криминологи, повторим, изучают отношения, производящие преступность, способы такого совместного производства. В этой связи внимание исследователей и практиков должно быть направлено на конституирование преступности как «текста», «повествования», как режима дискурса, непрерывно изменяющегося сценария. Не менее важными являются деконструкция и реконструкция изучаемого объекта как текста. Например, «реабилитация» преступников должна быть деконструирована криминологами и практиками; причем эти специалисты должны прекратить драматизировать как преступность, так и реабилитацию преступников, отрицая их статус как независимых сущностей [22, р. 308]. Такое видение преступности предполагает написание нового сценария преступности, *«заменяющего дискурса»*, связывающего человеческих агентов и продукты их деятельности с целым, частью которого все они являются.

Иными словами, конститутивная криминология, как и постмодернизм в целом, связана с контролем над языковыми системами. Акцентируется внимание на том, что личность – хотя бы частично – конструируется языком [22]. В этой связи, чтобы понять и быть понятыми, представляется крайне важным изучение «языковых игр»⁴, в которые играют люди в процессе взаимодействия. Таким образом, конститутивные криминологи фокусируют внимание не на проблемах экономического и социального угнетения, а на лингвистическом производстве, на утверждении, в частности, что уголовное право – это язык для создания отношений доминирования. Язык судов, например, выражает и институционализирует доминирование над личностью, будь то обвиняемый или обвинитель, преступник или жертва, со стороны социальных институтов. Словом, лингвистический поворот не обошел стороной и криминологию.

«Наша цель, – пишут основатели конститутивной криминологии, – не в том, чтобы добавить еще один выстрел к парадигматическому перекрестному огню, а в том, чтобы рефлексивно

⁴ Языковая игра – понятие, введенное в научный дискурс в 1953 г. Л. Витгенштейном для описания языка как системы конвенциональных правил, соблюдаемых коммуникации. Витгенштейн утверждал, что слово или предложение имеет определенное значение, основанное только на «правилах» текущей «игры». Например, в зависимости от контекста высказывание «Служба пробации!» может быть либо указанием, либо советом, либо ответом на вопрос, или другим видом коммуникации.

рассмотреть парадигмальный зонтик, под которым... сажены реактивного критического роста криминологии могут обрести силу» [22, р. 294]. Если модернистская криминология, как констатирует Милонович, отдает предпочтение «фоновым факторам», таким как класс, раса, пол, образование, возраст, факторам окружающей среды, то конститутивная криминология является целостным взглядом на преступность, согласно которому преступность и контроль над ней не могут быть отделены от различных контекстов, в которых они совместно производятся [15, р. 156–164].

Подчеркнем, что дискурс – одно из ключевых понятий конститутивной криминологии⁵. Речь, язык тела и письменное слово – все это символы, составляющие дискурс. Конститутивные криминологи, обращаясь к «прозрениям» Э. Лакло и Ш. Муфф, постулируют, что дискурс является текстом, как и все явления и события. Он может быть как написанным, так и произнесенным, может быть кино- или телевизионным изображением или даже сном [20]. Но это не просто текст, а совокупность фиксированных в этом тексте значений [28, с. 50]. Посредством дискурса человеческие агенты строят свой социальный мир и одновременно формируются этим социальным миром. Дискурс – это активное средство, воплощение субъективного творчества, желаний, побуждений и потребностей, возникающих как внутри человеческого субъекта, так и внутри социального мира [29]. Кстати сказать, проблематикой криминологического дискурса в отечественной науке занимался А. Э. Жалинский⁶, определяя последний как, по сути, «процесс выработки суждений о преступности» [30].

⁵ Дать определение дискурсу нелегко, так же как и обществу. Так, социология по сути не дает определения обществу, а только описывает и анализирует множество его свойств. Если обобщить множество свойств дискурса, то в их числе окажутся такие, как упорядоченная последовательность слов, предложений, форма коммуникации и др. Дискурс как социальное взаимодействие может быть определен в терминах речевых актов, таких как обещания и угрозы, или в терминах множества структур разговора, таких как начала, завершения или прерывания. Существует множество жанров дискурса, таких как неформальное общение, новостные репортажи в прессе или на телевидении, парламентские дебаты, партийная пропаганда, множество типов юридического (законы, допросы), политического (речи политиков) или образовательного дискурса.

⁶ Несомненно, А. Э. Жалинский внес огромный вклад в отечественную юриспруденцию; тем не менее трудно согласиться с отнесением его рядом исследователей (см., например, Суходолов А. П., Московцев А. Ф. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспектива // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 181–196) к «первопроходцам» в разработке проблематики криминологического дискурса, уже в силу того, что в числе таких первопроходцев – Ч. Беккариа, правда, в те времена сам термин «дискурс» не использовался (см.: Walker J. T., Boyeskie J. A. The Discourse of Criminality: From Beccaria to Postmodernism // Critical Criminology. 2001. Vol. 10. P. 107–122. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1013166212740>).

Модернистская парадигма предполагает, что дискурс нейтрален, он всего лишь инструмент для выражения рационально разработанных проектов внутренне центрированного субъекта. Согласно же конститутивной криминологии, дискурсы могут быть, с одной стороны, манипулятивными и репрессивными в выражении желания; с другой стороны, они могут предлагать большие возможности выражения этим же желаниям [29]. Дискурсы оказывают как освобождающее, так и сдерживающее воздействие на человека. Они служат освобождению человеческих субъектов, ибо посредством активного дискурса человек может сообщать об уникальности своего внутреннего мира, своих желаний, побуждений и потребностей. Но в то же время дискурсы оказывают сдерживающее воздействие на человека, ибо люди часто воспринимают себя как более подверженных воздействию, чем действующих. Так, например, роль, которую человек принимает в обществе, зависит от социального и психологического влияния, налагаемого обществом на человека [26].

Основная конститутивная тема – деконструкция. Она, как пишет Д. Ли, «подобна трате времени со словарем на поиск слов, которые определяются в терминах других слов, которые, в свою очередь, можно искать и так далее», или, по меткому выражению Р. Бермана, «деконструкция – это ресторан, где можно только заказать меню» [31]. Речь идет о деконструкции, во-первых, того, что составляет преступность, ее жертв и контроля над преступностью, путем демонстрации того, как этот дискурс был создан для обеспечения легитимности власти и ее действий по названному выше контролю; и, во-вторых, того, как были построены границы этих действий, считающихся необходимыми для управления преступностью и борьбы с ней. Иными словами, деконструкция дискриминации, отчуждения, насилия и агрессии, угнетения, несправедливости и борьбы с ними – основная конститутивная тема [32, р. 112]. Тем самым в фокусе внимания оказываются голоса исключенных, маргинализированных, бесправных, лишенных власти и угнетенных, озвучивание этих голосов [33, р. 7].

Цель деконструкции связана с выявлением того, что скрыто и подавлено криминологическим дискурсом [31]. Деконструкция связана с привилегированным вниманием к явлениям, практикам, текстам, словам, обычно считающимся неважными или маргинальными по отношению к более широким, устоявшимся дискурсам и практикам [34]. В процессе деконструкции текстов предпринимаются усилия показать влияние исследуемых явлений на легитимность более широкой практики, из которой они изгоняются на обочину.

Деконструкция разрывает тем самым текст на части и раскрывает его противоречия и предположения [20]. Это – во-первых.

Во-вторых, деконструкция имеет неоспоримый критический элемент, связанный с открытием более глубоких и сложных горизонтов смысла

изучаемых текстов. Разумеется, деконструктивизм не обязательно подрывает полезность любого дискурса, тем более важность любых ценностей или желательность любой практики. Это означает, что выбор текста, подлежащего деконструкции, зависит от того, что работает, а не от того, что является «правдой». Понимая, что все дискурсы, так или иначе, являются эффектами власти, и прибегая к деконструкции тех или иных текстов, сторонники этого подхода предполагают, что такая деконструкция может помочь в идентификации изучаемых социальных проблем. Тем самым оказывается помощь в принятии результативных мер по их решению. Иными словами, выбирается тот подход, который работает [31].

В-третьих, деконструкция – уже в силу критического прочтения исследуемого объекта и запуска «движения инаковости» – содержит этический элемент, затрагивает вопросы справедливости и ответственности перед Другим [31]. Сказанное представляется методологически значимым при организации работы с изучаемыми текстами. Обращая внимание на потенциал способов, которыми изучаемые дискурсы лишают прав одних и дают привилегии другим, Генри и Милованович выражают надежду на возможность снижения частоты причинения вреда доминирующими дискурсами тем, кто лишен власти и чьи голоса не слышимы.

Описанная выше исследовательская деятельность предполагает написание нового сценария изучаемого объекта, «заменяющего дискурса», связывающего человеческих агентов с целым, частью которого они являются.

Подчеркнем, что деконструкция в конститутивной криминологии идет рука об руку с реконструкцией, как и теория с практикой [29]. Усилия исследователей, согласно С. Генри и Д. Миловановичу, должны быть сосредоточены, повторим, на *реконструкции и перенаправлении* текстов, на создании замещающего дискурса. Предназначение данного дискурса – в замене вредных моментов в осуществлении власти дискурсами, рассказывающими другие истории о преступности и контроле над ней, подпитывающими позитивные социальные конструкции [26]. Согласно Генри и Миловановичу, создание менее вредных дискурсов изучаемых объектов препятствует жизнеспособности преступности [27].

Обосновывая необходимость и значимость создания замещающих дискурсов, конститутивные криминологи замечают, что преступление в современном обществе – гораздо больше, чем акт нарушения закона: это основной источник новостей и текущих событий; оно обеспечивает широкое трудоустройство для специалистов многих профилей, для сотрудников системы уголовного наказания и связанных с ней организаций. Утверждается необходимость корректировки объекта криминологии, ее проблемного поля – предлагается разработка новых пониманий/значений и новых общественных отношений, связанных с преступностью и контро-

лем над ней. Для достижения этих целей конститутивные криминологи и предлагают разрабатывать «замещающие дискурсы», «альтернативные видения» объекта криминологии. Такие замещающие дискурсы могут стать новыми «дискурсивными порядками». Они направлены на проблематизацию доминирующих теорий преступности и на предоставление голоса маргинализированным и бесправным группам, нередко становящимся объектами уголовной политики (например, бедным, этническим меньшинствам). Тем самым конститутивные криминологи, деконструируя преступность, демонстрируют связь уголовной политики с более крупными социальными процессами, происходящими в современном обществе. Более того, вместо определения криминологии как совокупности полезных для управления преступностью знаний конститутивная криминология подвергает испытанию само определение «полезные знания», предлагая к обсуждению целый ряд вопросов: знания полезные для кого или чего; полезные каким образом и в соответствии с чьими стандартами?

Не менее важно и другое: политика *замещающего дискурса* в отношении преступности и правосудия должна с пониманием относиться к теоретическим противоречиям и непредвиденным поведенческим обстоятельствам, неизбежным в условиях, далеких от равновесия, в динамичном – с высоким уровнем неопределенности – социуме [35].

Наконец, важная роль в создании замещающего дискурса отводится СМИ, оказывающим сильное влияние на современную массовую культуру, на социальные представления о преступности и ее контроле. Конститутивная криминология направлена на соединение научного анализа и популярных дискурсов таких тем, как преступность и борьба с ней, преступники и их жертвы, криминализация и виктимизация. Тем самым признается совместная с практиками уголовной политики ответственность за преступность и ее контроль. Сказанное нашло отражение в становлении криминологии новостного производства (*newsmaking criminology*) [36].

«Криминология новостного производства», согласно Барак⁷, – это сознательные действия по созданию новостей, направленные на формирование представлений о преступности и правосудии, заслуживающих внимания [37]. Участие ученых-активистов в создании новостей предоставляет для них потенциальную возможность содействовать исправлению предвзятых изображений и оценки преступлений и преступников,

⁷ Криминология новостного производства или «ньюсмейкинг-криминология» (*newsmaking criminology*), как пишет Г. Барак, один из ее основателей, как и основателей конститутивной криминологии, является процессом внесения криминологами вклада в создание «новостного» медиаконтента о преступности и правосудии посредством взаимодействия с вещательными и другими новостными СМИ. См., например: Barak G. *Newsmaking Criminology: Reflections of the Media, Intellectuals, and Crime* // *Justice Quarterly*. 1988. Vol. 5, iss. 4. P. 565–587.

уголовной политики в целом, способствуя привлечению к ответственности, в том числе, и «влиятельных учреждений, и отдельных лиц» [37]. В любом случае криминологи обладают уникальной способностью бросать вызов пагубным аспектам современного общества, таким, например, как «рыночная тирания», посредством действий, обращенных к общественности. Если криминологи остаются изолированными от общества, в котором они живут и к которому они обращаются, проводя исследования, то они отказываются от требований подотчетности в своей деятельности и имеют потенциал быть «провинциальными», «эгоцентричными» и в крайних случаях «едва понятными» [37]. Криминологам необходимо взаимодействовать с общественностью, ибо «нигде разрыв между восприятием и доказательствами не так велик, как в изучении преступности». Участие криминологов в создании новостей, сотрудничество со СМИ – серьезный инструмент сокращения нежелательных границ между исследователями, объектами их исследований, другими заинтересованными сторонами и гражданским обществом [37].

Резюмируя сказанное выше в контексте темы нашей статьи, подчеркнем, что современная криминология, разумеется, несводима к криминологии конститутивной; в ней представлены различные направления, теории, точки зрения. Конститутивная криминология, разумеется, – не панацея от всех бед. Есть немало критических замечаний, высказываемых касательно ее сути (впрочем, фактически у любого научного подхода есть свои критики, оппоненты). В частности, критики ведут речь о явном дефиците исследований, базирующихся на идеях конститутивной криминологии. Но, как постулируют ее основатели, конститутивная криминология является сравнительно новым направлением в криминологии. Обращается внимание критиков и на сложность текстов конститутивных криминологов, что, по мнению основателей данного направления в критической криминологии, является результатом объединения сложных теории хаоса и теории Лакана как ключевых ее источников [26]. Очевидно и другое: необходим диалог конститутивной криминологии с другими подходами, представленными в данной науке.

Тем не менее, как было отмечено выше, есть все основания воспользоваться именно потенциалом конститутивной криминологии, изучая процесс становления служб пробации в нашей стране. Действительно, конститутивная криминология предлагает и исследователям, и практикам иной, нежели традиционный, взгляд на развитие служб пробации и обеспечение результативности их деятельности. В фокусе внимания в этой связи должно быть понятно:

– как «строится здание»: службы пробации и знание о них, какая роль отводится в этом знании взаимодействующим, как пишут основатели конститутивной криминологии, человеческим агентам;

– как это здание стоит, несмотря на оппозицию;
– как его можно перестроить или построить по-другому, создавая замещающий дискурс [38].

Тем самым признается, что службы пробации – результат совместного производства и овеществления этих организаций; производства, осуществляемого взаимодействующими на этом поле человеческими агентами, включая получателей услуг данных организаций. В этой связи вспоминается мысль основоположников конститутивной криминологии, неоднократно воспроизводимая ими в разных контекстах: «Чем больше государственные органы разрабатывают свои контрольные разговоры и чем больше людей испытывают иную реальность отношений, подлежащих контролю, тем больше презрения вызывают контролеры и их контрольные институты» [22, р. 298]. В конечном счете, как постулируют ученые, люди начинают подвергаться сомнению различия как между кражей и законным приобретением собственности, так и между честностью и нечестностью. Такие сомнения, подрывающие доверие к службам пробации (в нашем случае), связаны с попытками этих служб прежде всего контролировать поведение этих человеческих агентов, а не способствовать их реинтеграции в общество [22, р. 298]. Отсюда – фокус внимания на голосах, ранее неслышных, на выявлении и актуализации потенциала этих агентов, ранее невидимых и не востребованных или отодвигаемых на задние места «автобусов» служб пробации. Такие практики становятся возможными благодаря использованию способов, альтернативных «линейному анализу», характерному для традиционной криминологии. В данном случае вспоминается заимствованная у П. Фрейре основателями конститутивной криминологии критика «банковской концепции знания», согласно которой специалисты служб пробации (педагоги у П. Фрейре) не наполняют умы своих клиентов из банка своих знаний, а обсуждают идеи этих клиентов на взаимной основе и помогают им сформулировать свои потребности и интересы, способствующие реинтеграции в общество в качестве сограждан.

Фокусируется внимание на лингвистическом производстве объекта исследования с акцентом на доминирующих дискурсах служб пробации. Так, реинтеграция бывших осужденных – это дискурсивный процесс, посредством которого аспекты соответствующей практики выбираются, подчеркиваются, совершенствуются, придаются языковой форме и обсуждаются в официальных, административных текстах, в то время как другие аспекты игнорируются, подчиняются, рассеиваются и относятся к неформальному или концептуализируются как «ненормальные». И далее – в результате деконструкции официальных дискурсов пробации, в которой участвуют и получатели услуг соответствующих организаций, – создаются замещающие дискурсы. Предназначение этих дискурсов – рассказать другие истории о ресоциализации осужденных и бывших осужденных, о потенциале

служб пробации в этом процессе: истории, подпитывающие позитивные социальные конструкции, с фокусом внимания на иных контекстах и ином наборе условий деятельности данных организаций. При этом задача деконструкции официального дискурса пробации, на основе чего создается замещающий дискурс, – способствовать мобилизации актуализированных ресурсов тех человеческих агентов, голоса которых были ранее не услышаны.

Не менее важно и то, что конститутивные криминологи приветствуют теоретические противоречия и поведенческие непредвиденные обстоятельства в изучаемом процессе, предупреждая о них и приглашая тем самым к диалогу на озвученном поле. В основе такой постановки вопроса – понимание меняющейся природы преступности и ее контроля, а также нередкой неадекватности и неуместности распространенных в традиционной науке ответов на ключевые вопросы криминологии [16, р. 10].

Сказанное актуализирует, наконец, и постановку вопроса об участии криминологов не только в кабинетных исследованиях феномена служб пробации, но и в освоении статуса публичных криминологов, активно взаимодействующих со СМИ и использующих площадки гражданского общества для действий по формированию и развитию представлений о преступности и контроле над ней, направленных на предупреждение предвзятых, упрощенных, линейных изображений и оценок преступлений и преступников, уголовной политики в целом.

Таким образом, согласно конститутивной криминологии, предлагается взглянуть на практику служб пробации как своего рода текст (устный и/или письменный); далее – сосредоточить внимание на деконструкции этого текста, работая с дискурсом ресоциализации получателей услуг служб пробации, в ходе которой акцент делается на том, что скрыто, подавлено, считается неважным по отношению к ключевым идеям, символам, знакам, представленным в анализируемом тексте. В ходе деконструкции, таким образом, происходит разрыв данного текста на части, раскрываются его противоречия и высказываются предположения об их сути и возможностях разрешения данных противоречий. На следующем шаге анализа – по результатам деконструкции – осуществляется реконструкция текста и создается замещающий дискурс, предлагающий новое понимание/значение взаимодействий человеческих агентов в службах пробации, иное видение процесса и результатов исследуемой ресоциализации, места в этом процессе реципиентов программ ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. Разумеется, такая работа проводится с учетом структурных и культурных контекстов, в которых анализируется «старый» и создается замещающий его дискурс.

Не менее важно, и на это конститутивные криминологи обращают особое внимание, то, что создание и политика замещающего дискурса ре-

социализации и деятельности служб пробации в целом связана с рядом этических проблем, теоретических противоречий, непредвиденных поведенческих обстоятельств, неизбежных в условиях, далеких от равновесия, в динамичном социуме. Исследователям предлагается освоение статуса публичного криминолога, активно взаимодействующего с общественностью, в создании новостей о службах пробации. Обращается внимание на значимость отказа от линейного взгляда на преступность и клиентов служб пробации, сокращения нежелательных границ между исследователями, объектами их исследований, другими заинтересованными сторонами и гражданским обществом.

Как видим, описанная выше работа, предлагаемая криминологам, нова, особенно в контексте российской криминологии. Готовы ли мы не столько к работе со сравнительно новой для нас терминологией, сколько к освоению методов анализа текстов, не сводимых к дискурс-анализу? Каков уровень оснащённости наших лабораторий программами обработки данных, генерируемых в таких качественных исследованиях? Готовы ли мы к активному сотрудничеству с лингвистами и социологами на изучаемом поле? Готовы ли мы к активному вхождению на площадки гражданского общества с результатами созданного нами замещающего дискурса в отношении ресоциализации осужденных и бывших осужденных?

Библиографический список

1. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184–191. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2184-191>. EDN: <https://elibrary.ru/koedch>.
2. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–212. DOI: <http://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010>.
3. Щукина Н. П. К вопросу о становлении института пробации в России: нужна ли концептуальная ясность // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности: III Международная научно-практическая конференция. Минск: Строй-Медиа Проект, 2023. С. 220–224.
4. Abadinsky H. Probation and Parole: Corrections in the Community. 13th edition. New York: Pearson, 2017. 448 p. URL: <https://archive.org/details/probationparolec0000abad>.
5. Hadjisergis K. Human Rights in Probation Theory, Practice and Balance. 1st edition. London: Routledge, 2024. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003224679>.
6. McDermott M. J. L., Burrell A. A Smarter Approach to Sentencing? Aspirations, Challenges, and Implications for Probation Practice in England and Wales // British Journal of Community Justice. 2023. DOI: <https://doi.org/10.48411/h54f-3k73>.
7. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html?ysclid=m21nnpqwd0747818012>.
8. Бойко Л. А., Бойко А. П. Влияние идей постмодернизма на развитие современной криминологии // Российский следователь. 2022. № 2. С. 60–64. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-2-60-64>. EDN: <https://elibrary.ru/feruwe>.
9. Босхолов С. С., Номоконов В. А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 128–136. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(2\).128-136](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136).
10. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва: Наука, 1991. С. 391–532. URL: https://royallib.com/read/dyurkgeym_emil/metod_sotsiologii.html#0.
11. Гилинский Я. И. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский Ежегодник уголовного права. 2013. № 6. С. 8–31. URL: <https://www.iauaj.net/node/1699>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21955089>. EDN: <https://elibrary.ru/smlnkz>.
12. Гилинский Я. И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 227–231. URL: DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).227-231](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231).
13. Schwartz M.D., Friedrichs D.O. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence // Criminology. 1994. Vol. 32, issue 2. P. 221–246. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x>.
14. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2000. Vol. 33, issue 2. P. 221–236. DOI: <https://doi.org/10.1177/000486580003300208>.
15. Milovanovic D. Postmodern criminology. 2nd edition. London and New York, 2018. 536 p.
16. Burke R. H. Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty. 1st edition. London; New York, 2020. 542 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351242097>.
17. Nevisi H.M. Academic Conceptology of Postmodern Criminology // Mini Review. 2020. Vol. 5, issue 4. DOI: <http://doi.org/10.23880/ijfsc-16000213>.
18. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology at Work: Applications to Crime and Justice. New York, 1999. 322 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL18136680M/Constitutive_criminology_at_work.

19. Reviewed Work: Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism by Stuart Henry, Dragan Milovanovic. Review by: Sibo van Ruller // *Contemporary Sociology*. 1997. Vol. 26, № 4. P. 496–497. DOI: <https://doi.org/10.2307/2655123>.
20. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology // *Internet Journal of Criminology*. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/249775832_POSTMODERN_POLICIES_THE_ERRATIC_INTERVENTIONS_OF_CONSTITUTIVE_CRIMINOLOGY.
21. *Recent Developments in Criminological Theory* / ed. by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009. 521 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315089089>.
22. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory // *Criminology*. 1991. Vol. 29, issue 2. P. 293–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01068.x>.
23. Лезьер В. А. Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, вып. 12. С. 224–229. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns200563>.
24. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Definition of Crime: Power as Harm // Henry S., and Lanier M. M. (eds.) *What is Crime? Controversies over the Nature of Crime and What to Do about it*. Lanham, MA: Rowman and Littlefield, 2001. P. 165–178.
25. Milovanovic D. Dueling Paradigms: Modernist v. Postmodernist Thought // Revised version from *Humanity and Society*, 1995. Vol. 19, issue 1. P. 1–22. URL: https://critcrim.org/milovanovic_postmod.htm.
26. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation // *Recent Developments in Criminological Theory* / ed. by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009. P. 435–457.
27. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School // Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) *Thinking Critically About Crime*. Vancouver: Collective Press, 1997. P. 93–99. URL: <https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html>.
28. Филипс Л., Йоргенсен М. В. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с. URL: <https://djvu.online/file/KUR8knBpzDCfk?ysclid=m22z0ggq8u273771599>.
29. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism*. London: Sage, 1996. 304 p.
30. Жалинский А. Э. Криминологический дискурс о преступности // *Право и политика*. 2006. № 8. С. 15–22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50011.
31. Lea J. *Criminology and Postmodernity* // Walton P., Young J. (eds.) *The New Criminology Revisited*. Chapter 9. London: Palgrave Macmillan, 1998. P. 163–189. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26197-0_9.
32. Arrigo B. A., Milovanovic D., Schehr R. C. *The French connection in criminology: Rediscovering crime, law, and social change*. New York: State University of New York Press, 2005. 198 p. URL: <https://archive.org/details/frenchconnection0000arri>.
33. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. New York: Garland Publishing, 1997. 284 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429027055>.
34. Claes E. Discussion (A) Deconstruction, criminalisation and the criminal law: a reply to Pavlich's 'The Lore of Criminal Accusation' // *Criminal Law and Philosophy*. 2007. Vol. 1. P. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11572-006-9012-z>.
35. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School // Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) *Thinking Critically About Crime*. Vancouver: Collective Press, 1997. P. 93–99. URL: <https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html>.
36. Richards I., Wood M. A., Iliadis M. Newsmaking criminology in the twenty-first century: an analysis of criminologists' news media engagement in seven countries // *Current Issues in Criminal Justice*. 2020. Vol. 32, issue 2. P. 125–145. DOI: <http://doi.org/10.1080/10345329.2019.1696442>.
37. Iliadis M., Richards I., Wood M. A. Newsmaking criminology in Australia and New Zealand: Results from a mixed methods study of criminologists' media engagement // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2020. Vol. 53, issue 1. P. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004865819854794>.
38. Arrigo B. A., Bersot H. Y. (2014). *Postmodern Criminology* // Bruinsma G., Weisburd D. (eds.) *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York: Springer, 2014. P. 3843–3854. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5690-2_315.

References

1. Gromov V. G. *Probatsiya i problemy ee realizatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Probation and problems of its implementation in the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 2024, vol. 24, issue 2, pp. 184–191. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2184-191>. EDN: <https://elibrary.ru/koedch> [in Russian].
2. Starostin S. A., Aniskina N. V. *Sluzhba probatsii v Rossii: vybor politiki i perspektivy razvitiya* [Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary Science], 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. DOI: <http://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010> [in Russian].
3. Shchukina N. P. *K voprosu o stanovlenii instituta probatsii v Rossii: nuzhna li kontseptual'naya yasnost'* [On the issue of the establishment of the probation institution in Russia: is conceptual clarity needed]. In: *Osnovnye napravleniya*

sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti. III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya [Main directions of improvement of the national security system. III International research and practical conference]. Minsk: Stroi-Media Proekt, 2023, pp. 220–224 [in Russian].

4. Abadinsky H. *Probation and Parole: Corrections in the Community*. 13th Edition. New York: Pearson, 2017, 448 p. Available at: <https://archive.org/details/probationparolec0000abad>.

5. Hadjisergis K. *Human Rights in Probation Theory, Practice and Balance*. 1st edition. London: Routledge, 2024, 176 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003224679>.

6. McDermott M. J. L., Burrell A. A Smarter Approach to Sentencing? Aspirations, Challenges, and Implications for Probation Practice in England and Wales. *British Journal of Community Justice*, 2023. DOI: <https://doi.org/10.48411/h54f-3k73>.

7. *Federal'nyi zakon ot 6 fevralya 2023 g. № 10-FZ «O probatsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of February 6, 2023 № 10-FZ «On probation in the Russian Federation»]. Available at: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html?ysclid=m21nqpqwd0747818012> [in Russian].

8. Boyko L. A., Boyko A. P. *Vliyanie idei postmodernizma na razvitie sovremennoi kriminologii* [The influence of the ideas of postmodernism on the development of modern criminology]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2022, no. 2, pp. 60–64. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-2-60-64>. EDN: <https://elibrary.ru/fepywe> [in Russian].

9. Bosholov S. S., Nomokonov V. A. *Ontologicheskie i metafizicheskie osnovy obshchestvennoi opasnosti prestuplenii: o tupike neokriminologii* [Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the dead end in neocriminology]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(2\).128-136](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136) [in Russian].

10. Durkheim E. *Metod sotsiologii* [Method of sociology]. In: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 391–532. Available at: https://royallib.com/read/dyurkgeym_emil/metod_sotsiologii.html#0 [in Russian].

11. Gilinsky Ya. I. *Nekotorye tendentsii mirovoi kriminologii* [Some trends of the world criminology]. *Rossiiskii ezhegodnik ugovnogo prava*, 2013, no. 6, pp. 8–31. Available at: <https://www.iauaj.net/node/1699>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21955089>. EDN: <https://elibrary.ru/smlnkz> [in Russian].

12. Gilinsky Y. I. *V tupike li kriminologiya postmoderna* [Is The Criminology of Postmodernity at a Dead End?]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2024, vol. 18, no. 3, pp. 227–231. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).227-231](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231) [in Russian].

13. Schwartz M. D., Friedrichs D. O. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence. *Criminology*, 1994, vol. 32, issue 2, pp. 221–246. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x>.

14. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2000, vol. 33, issue 2, pp. 221–236. DOI: <https://doi.org/10.1177/000486580003300208>.

15. Milovanovic D. *Postmodern criminology*. 2nd edition. London; New York, 2018, 536 p.

16. Burke R. H. *Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty*. 1st edition. London; New York, 2020, 542 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351242097>.

17. Nevisi H. M. Academic Conceptology of Postmodern Criminology. *Mini Review*, 2020, vol. 5, issue 4. DOI: <http://doi.org/10.23880/ijfsc-16000213>.

18. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology at Work: Applications to Crime and Justice*. 1999. 322 p. Available at: https://openlibrary.org/books/OL18136680M/Constitutive_criminology_at_work.

19. Reviewed Work: *Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism* by Stuart Henry, Dragan Milovanovic. Review by: Sibö van Ruller. *Contemporary Sociology*, 1997, vol. 26, no. 4, pp. 496–497. DOI: <https://doi.org/10.2307/2655123>.

20. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology. *Internet Journal of Criminology*, 2006. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249775832_POSTMODERN_POLICIES_THE_ERRATIC_INTERVENTIONS_OF_CONSTITUTIVE_CRIMINOLOGY.

21. *Recent Developments in Criminological Theory*. Edited by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009, 521 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315089089>.

22. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory*. *Criminology*, 1991, vol. 29, no. 2, pp. 293–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01068.x>.

23. Lezer V. A. *Identichnost' v protsesse rekonstruktsii sub"ektivnosti v diskurse Zhaka Lakana* [Identity Concept Functioning in Jacques Lacan's Discourse]. *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, issue 12, pp. 224–229. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns200563> [in Russian].

24. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Definition of Crime: Power as Harm*. In: Henry S., Lanier M. M. (eds.) *What is Crime? Controversies over the Nature of Crime and What to Do about it*. Lanham, MA: Rowman and Littlefield, 2001, pp. 165–178.

25. Milovanovic D. *Dueling Paradigms: Modernist v. Postmodernist Thought Revised version from Humanity and Society*, 1995, vol. 19, issue 1, pp. 1–22. Available at: https://critcrim.org/milovanovic_postmod.htm.

26. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation. In: *Recent Developments in Criminological Theory*. Edited by S. Henry, S. A. Lukas. London; Routledge, 2009, pp. 435–457.
27. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School. In: *Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime*. Vancouver: Collective Press, 1997, pp. 93–99. Available at: <https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html>.
28. Phillips L., Jorgensen M. V. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2004, 336 p. Available at: <https://djvu.online/file/KUR8knBpzDCfk?ysclid=m22z0ggq8u273771599> [in Russian].
29. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism*. London: Sage, 1996, 304 p.
30. Zhalinsky A. E. *Kriminologicheskii diskurs o prestupnosti* [Criminological discourse on crime]. *Pravo i politika* [Law and politics], 2006, no. 8. pp. 15–22. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50011 [in Russian].
31. Lea J. Criminology and Postmodernity. In: *Walton P., Young J. (eds.) The New Criminology Revisited. Chapter 9*. London: Palgrave Macmillan, 1998, pp. 163–189. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26197-0_9.
32. Arrigo B. A., Milovanovic D., Schehr R. C. The French connection in criminology: Rediscovering crime, law, and social change. New York: State University of New York Press, 2005, 198 p. Available at: <https://archive.org/details/frenchconnection000arri>.
33. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. New York: Garland Publishing, 1997. 284 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429027055>.
34. Claes E. Discussion (A) Deconstruction, criminalisation and the criminal law: a reply to Pavlich's 'The Lore of Criminal Accusation'. *Criminal Law and Philosophy*, 2007, volume 1, pp. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11572-006-9012-z>.
35. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School. In: *Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime*. Vancouver: Collective Press, 1997, pp. 93–99. Available at: <https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html>.
36. Richards I., Wood M. A., Iliadis M. Newsmaking criminology in the twenty-first century: an analysis of criminologists' news media engagement in seven countries. *Current Issues in Criminal Justice*, 2020, vol. 32, issue 2, pp. 125–145. DOI: <http://doi.org/10.1080/10345329.2019.1696442>.
37. Iliadis M., Richards I., Wood M. A. Newsmaking criminology in Australia and New Zealand: Results from a mixed methods study of criminologists' media engagement. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2020, vol. 53, issue 1, pp. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004865819854794>.
38. Arrigo B. A., Bersot H. Y. Postmodern Criminology. In: *Bruinsma G., Weisburd D. (eds.) Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York: Springer, 2014, pp. 3843–3854. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5690-2_315.